

0141

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Робин Трейди

ЖАРКИЕ НОЧИ, ТИХИЕ ДНИ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Робин Грейди

Жаркие ночи, тихие дни

«Центрполиграф»

2011

Грейди Р.

Жаркие ночи, тихие дни / Р. Грейди — «Центрполиграф»,
2011 — (Любовный роман – Harlequin)

У владельца ранчо Джека Прескотта три года назад погибли жена и ребенок. Но вот судьба преподносит ему подарок – он берет на воспитание малыша-племянника, которого передает ему красавица горожанка...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Робин Грейди

Жаркие ночи, тихие дни

Глава 1

Джек Прескотт в оцепенении стоял посреди больничного холла.

Сегодня утром, в десять часов, ему позвонили. Он тут же прыгнул в свой двухмоторный самолет и, будучи вне себя от волнения, полетел в Сидней. Три года он не разговаривал с Далией. Теперь он лишился возможности с ней попрощаться.

Слезы жгли ему глаза, когда он вышел в заполненный людьми коридор. В воздухе витал запах антисептика и смерти. На сегодняшний день Джек остался единственным представителем рода Прескоттов.

Проходящий мимо доктор, погруженный в разговор, толкнул Джека в плечо. Он покачнулся, раскинув в стороны мозолистые руки, чтобы сохранить равновесие. Сколько пройдет времени, прежде чем он почувствует трагедию по-настоящему? Прежде чем упадет на колени и проклянет безбожный мир?

Где справедливость?

Далии было всего двадцать три года.

Женщина в переполненном людьми зале ожидания поймала его взгляд. Она была в красном платье, светлые волосы струились по ее плечам. На руках она держала ребенка.

Джек потер воспаленные глаза и присмотрелся.

При свете флуоресцентных ламп он заметил слезы на ресницах женщины. Когда она снова посмотрела на него, Джек задался вопросом, где видел ее раньше. Губы женщины изогнулись в едва заметной улыбке сожаления, и тут до него дошло.

Это одна из подруг Далии.

Однако Джек не был уверен, что готов разговаривать и обмениваться любезностями вроде: «О, вы знали мою сестру. Да, она была очень красивой. Извините, но я должен уходить, чтобы начать приготовления к похоронам».

Женщина выжидала, удерживая головку ребенка бледной рукой, и Джек сдался. На свинцовых ногах он подошел и остановился напротив нее.

– Вы ведь брат Далии? – спросила она. – Вы Джек.

Ее залитые румянцем щеки были заплаканными, ногти обкусаны до мяса, а ее глаза...

Ее глаза были цвета синего барвинка.

Джек глотнул воздуха. Он не помнил, когда в последний раз видел нечто подобное. Он не был уверен даже в том, что знает, какого цвета глаза у Тары. Вероятно, ему следует обратить на это внимание, когда он вернется. Не то чтобы они собирались пожениться, но все же...

После смерти его жены Тара Андерсон проводила все больше времени на овцеводческом ранчо Лидибрук в Квинсленде, где он жил. Джек не торопился привыкать к обществу Тары; в эти дни он был не слишком разговорчив. Но его покойная жена и Тара были близкими друзьями, поэтому и он с ней подружился.

Но на прошлой неделе Тара предложила ему иные отношения.

Джек ответил прямо. Он больше никогда не полюбит женщину. Его обручальное кольцо превратилось в золотую цепь, которая постоянно висела на его шее. Сю была ему не просто женой, а половиной его души. Лучшей половиной.

И все же Тара использовала сильный аргумент, заявив, что Джеку нужна надежная женщина рядом. Ей же требовался человек, способный помочь ей управляться с ранчо. Вот тут-то Джек заинтересовался. Двадцать лет назад его отец, переживая трудные времена, продал

половину своих земель соседу, двоюродному деду Тары. Позже Джек пытался выкупить земли обратно, но Дуайт Андерсон отказывался.

После смерти Сью жизнь стала казаться ему бессмысленной. Теперь он не находил радости в занятиях, которые прежде будоражили его кровь. Даже скача без седла на Гере по долине любимого ранчо, он чувствовал, что выполняет только рутинную работу. Однако он призадумался о возможности исполнить мечту своего отца и вернуть проданные акры земли.

Тара была хорошей и привлекательной, по мужским меркам, женщиной. Возможно, им удастся помочь друг другу. Но прежде, чем Джек снова женится, нужно уладить одно дело.

Из Тары получится превосходная мать. Но у него нет никакого желания становиться отцом.

Он делал промахи и даже совершил одну непростительную ошибку. Джек часто об этом думал и не только тогда, когда приходил на крошечную могилу рядом с могилой своей жены в Лидибрук. Он не желал снова испытывать судьбу.

Если Тара согласится на фиктивный брак, то семейных планов они строить не станут. Хотя она кивнула Джеку в знак согласия, ее затуманенный взгляд сказал о том, что она надеется на то, что он изменит свое решение. Но Джек был непреклонен: он не передумает ни завтра, ни через десять лет.

Джек смотрел на сверток, когда женщина в красном платье снова заговорила.

– Мы с Далией были подругами, – едва слышно сказала она. – Хорошими подругами.

Он вздохнул и провел пальцами сквозь волосы, которые следовало давно постричь, собираясь с мыслями:

– Доктор сказал, водитель сбежал с места происшествия.

Водитель сбил Далию на пешеходном переходе. Она умерла от повреждения внутренних органов за несколько минут до приезда Джека. Держа сестру за все еще теплую руку, он вспоминал, как учил ее ездить верхом на Джаспере, как утешал, когда умер ее любимый ягненок.

Он вспоминал, как Далия умоляла его понять ее...

– Она на короткое время пришла в сознание.

Слова женщины обезоружили Джека. У него ослабли колени, и он против воли присел. Если он сделал это, значит, хочет поговорить? Нет, ему надо сорваться с места, выйти отсюда, выпить виски и...

Он слишком резко поднял глаза, свет померк перед его глазами.

Размытые лица, распорядители похорон, выбор одежды для покойника...

– Она разговаривала со мной перед смертью. – Губы женщины были полными и розовыми и едва заметно подрагивали. – Меня зовут Мэдисон Тайлер. – Она переместила ребенка на руках и присела рядом с Джеком. – Друзья зовут меня Мэdden.

У него сильно пересохло в горле, он с трудом сглотнул:

– Вы сказали, она пришла в себя и... говорила с вами.

Далия вряд ли говорила о нем. После смерти родителей она стала невыносима. Даже терпеливой и готовой помочь жене Джека не удалось пробиться сквозь стену отчуждения. В ту последнюю ночь Далия кричала, что не желает иметь никаких дел с братом и его глупыми правилами на ранчо. Она присутствовала на похоронах Сью, но Джек был слишком расстроенным, чтобы разговаривать с сестрой. Несколько лет он получал от Далии поздравительные открытки на Рождество, но без обратного адреса.

Он сжал руками виски.

Боже правый, ему следовало забыть о гордости, разыскать сестру, защитить ее и привезти домой.

Ребенок пошевелился, и Джек обратил внимание на крошечные ресницы, касающиеся пухлых щек. Воплощение новизны и полноты жизни.

Прояснив мысли и откашлявшись, он поднялся:

– Мы можем поговорить по пути, мисс...

– Мэдди.

Достав бумажник, он вынул оттуда визитку:

– Если что-нибудь потребуется, позвоните мне по этому номеру.

Женщина тоже встала и пытливо посмотрела в его глаза:

– Мне нужно с вами поговорить, Джек. Сейчас.

Он мельком взглянула на ребенка.

– Я не знала... Ну, Далия не говорила о вас прежде. – Мэдди смотрела на Джека умоляющими глазами, будто желая объясниться.

Она выглядела достаточно милой и по понятной причине взволнованной, но что бы Далия ей о нем ни сказала, он не намерен оправдываться перед незнакомкой.

Впрочем, как и перед любым другим человеком.

Он отвел взгляд:

– Я действительно должен идти.

– Она сказала, что любила вас, – выпалила Мэдди, сделав шаг в его сторону. – Она простила вас.

Наклонившись, Джек положил визитку на стул, зажмурился и едва вынес биение сердца, стук которого эхом отзывался в его ушах. Ему хотелось, чтобы эта неделя закончилась, он вернулся бы домой, на свою землю.

Медленно выпрямившись, он решительно вздернул подбородок. Ребенок начал ерзать и попискивать. С одной стороны, Джека привлекал голос ребенка, с другой – ему хотелось заткнуть уши и бежать. Детский плач станет последней каплей.

Выдыхая, он засунул бумажник в задний карман:

– Тут вы ничего не сможете сделать. Вам следует отвезти ребенка домой.

– Я пытаюсь. – Она пристально и намеренно смотрела в его глаза.

Тряхнув головой, он пожал плечами:

– Извините. Я вам не помощник.

Но Мэдди в ответ прикусила нижнюю губу и продолжала смотреть на Джека огромными глазами...

Она напугана?

Джек оценил классически правильные черты ее лица, кожу цвета фарфора, изящный подбородок.

И, несмотря на события дня, почувствовал возбуждение.

Не хочет ли она сказать, что он отец этого ребенка?

Некоторое время после смерти жены обеспокоенные друзья Джека старались вытащить его из стен, которыми он себя окружил. Они приглашали его в Сидней, чтобы познакомиться с достойными женщинами из их круга. Хотя сердце Джека оставалось закрытым, он один или два раза встречался с женщинами в своем городском пентхаусе.

Не поэтому ли Мэдди кажется ему знакомой? Были ли они близки?

Он расслабил напряженные плечи.

Нет, такие губы, как у нее, он бы не забыл.

– Слушайте, мисс...

– Мэдди.

Он напряженно улыбнулся:

– Мэдди. Ни вы, ни я не расположены играть в игры. Говорите напрямик все, что хотели сказать.

– Сегодня Далия отдала мне ребенка, – сказала она. – Это не мой сын. Это ваш племянник.

Две секунды стояла напряженная тишина, затем до Джека дошли слова женщины. Ему показалось, что в грудь ему ударило здоровенное бревно. Быстро моргнув, он перевел дыхание.

– Это... невозможно.

По щеке Мэдди покатилась слеза и упала на голубой капюшон одеяла с кроликами; ее синие, как барвинок, глаза смотрели на Джека умоляюще и решительно.

– Последнее желание вашей сестры было в том, чтобы я вас познакомила. Она хотела, чтобы вы взяли его, Джек. Взяли с собой в Лидибрук.

Глава 2

Пятнадцать минут спустя, сидя за столом напротив Джека Прескотта, Мэдди поднесла к губам фарфоровую чашку и подумала, что никогда еще не видела такого привлекательного мужчины.

С темной щетиной на квадратной челюсти, он с каждой минутой становился все мрачнее, постукивая чайной ложечкой о чашку, пока размешивал сахар.

По интеркому кто-то вызвал доктора Гранта. Пожилая женщина за соседним столиком улыбнулась ребенку, потом откусила булочку. Звяканье столовых приборов наполняло помещение, но Джек Прескотт будто ничего не слышал. Он сидел, сосредоточенно погружившись в себя.

Из-под ресниц Мэдди украдкой разглядывала его суровое, по-голливудски красивое лицо: подбородок с ямочкой, прямой гордый нос. Она не могла понять, как ему удастся выглядеть одновременно таким соблазнительным и отстраненным. Мэдди ощущала неистовую, почти пугающую энергию, идущую от этого сдержанного человека. Он был одним из тех, кто способен в одиночку справиться с лесным пожаром и спасти тех, кто ему дорог.

Вопрос на миллион долларов: кто дорог Джеку Прескотту? Он едва взглянул на осиротевшего племянника, с которым только что познакомился. Сидящий за столом мужчина казался высеченным из камня – абсолютная загадка. Мэдди, возможно, никогда не узнала бы, почему Далия не общалась с братом. Но из-за малыша Боу Мэдди придется об этом узнать.

Джек поставил чашку на блюдце, затем ласково посмотрел на ребенка, который снова спал, лежа в коляске и держа крошечный кулачок у носика-пуговки. Именно Джек предложил Мэдди выпить кофе, но после столь продолжительного молчания она уже больше не могла откладывать разговор.

– Далия была великолепной матерью, – сказала она ему. – До рождения ребенка она получила диплом по бизнес-маркетингу. Она решила отложить поиски хорошей работы на год... – Мэдди посмотрела на чашку, чувствуя опустошение. Настало время во всем признаться. – Далия едва выходила из дома после того, как принесла мальчика домой, – продолжила она. – Я уговаривала ее сходить к парикмахеру, сделать маникюр... – У Мэдди засосало под ложечкой. Если бы она практически не вытолкала подругу на улицу, Далия была бы по-прежнему жива. У этого ребенка была бы мать, и ему не пришлось бы полагаться на этого бесцеремонного человека, который вроде бы собрался его игнорировать. – Сегодня ему исполнилось три месяца, – прибавила она на случай, если Джек заинтересуется, но он продолжал сосредоточенно размешивать сахар в чашке.

Мэдди несколько раз моргнула, затем отодвинула чашку и с ноющим сердцем оглядела шумную комнату. Джек так же бесчувственен, как стальной клинок.

– Где отец?

От его резкого вопроса Мэдди подпрыгнула. Джеку не понравится ответ.

Мэдди понизила голос:

– Далию изнасиловали. – Увидев, что Джек помрачнел, затем выругался и запустил пальцы в черные, как чернила, волосы, она продолжила: – И прежде, чем вы спросите, я скажу, что она не заявляла об этом в полицию.

В глубинах его враждебных зеленых глаз вспыхнули золотистые искорки.

– Почему, черт побери?

– Какая теперь разница?

Как и в большинстве случаев, Далии не хотелось унижаться в суде. Она не знала своего обидчика и решила все оставить как есть. Ей хотелось забыть об ужасе и обиде. Потом Далия обнаружила, что беременна.

Пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями, Мэдди выпрямилась:

– Имеет значение лишь то, что у нее родился здоровый и красивый ребенок.

Далия очень любила этого прекрасного малыша.

Джек разглядывал ребенка. Морщина между его темных бровей стала отчетливее, на загорелой шее пульсировала вена. Следующий вопрос был произнесен со сдержанным рычанием:

– Как его зовут?

– Боуфорд Джеймс.

Джек Прескотт фыркнул и отвел взгляд.

Конечно, сейчас особые обстоятельства, ведь сегодня он потерял единственную родную сестру. Но соизволит ли он когда-нибудь одарить мир другой эмоцией, а не только раздражением?

Глаза Мэдди жгли горячие слезы, она крепче сжала рукой чашку и затаила дыхание. Ей не удастся держать язык за зубами. Ни один приличный человек не стал бы отмалчиваться. Ей следует выполнить обещание. Если ей придется подавлять чрезмерно раздутое эго, чтобы добиться результатов, она так и сделает.

– Он ваша плоть и кровь, – бросила она с вызовом. – Не хотите взять его на руки? – От ужасной мысли по телу Мэдди пробежала дрожь. Она откинулась на спинку стула. – Или вы предпочитаете, чтобы он отправился на воспитание в чужую семью?

Мэдди не позволила бы этого. Она сама забрала бы себе Боу. Ее собственная мать умерла, когда ей было пять лет. Подрастая, Мэдди страстно желала, чтобы кто-то заплетал ей волосы по утрам, читал ей перед сном, чтобы было к кому забираться под одеяло.

Отец Мэдди был хорошим человеком, но он был одержим бизнесом. Иногда казалось, будто ребенком Дрю Тайлеру приходится не единственная дочь Мэдди, а «Тайлер эдвертайзинг». Он управлял корпорацией железной рукой и не представлял, что в ее штате появилась хрупкая барышня вроде Мэдди. Мэдди не согласилась с отцом. После серьезных и продолжительных дебатов она победила и стала работать в фирме.

Прошедшие недели отец Мэдди по понятным причинам был крайне взволнован, ведь его дочь самостоятельно проводила свою первую сделку. Мэдди, несмотря на бравый вид, тоже нервничала. Но, что бы ни случилось, она получит нужные подписи в установленные сроки.

Никто не догадывался, как страдала Мэдди, будучи девочкой, как боролась со своими недостатками, чтобы занять знаменитую деловую хватку и решительность отца. Теперь дня не проходило, чтобы Дрю каким-то образом не одобрял попытки своей дочери. И все же бывали времена, когда Мэдди сожалела о том, что не знала материнской любви.

Мэдди посмотрела на ребенка.

Как сложится судьба этого малыша?

Длинными загорелыми пальцами Джек взял сахарницу.

– Я не помню, что сказал, будто не возьму его, – произнес он, растягивая слова.

– Едва ли вы ухватились за эту идею. – Мэдди увидела, как он выгнул черную бровь.

– Вам лучше не быть такой враждебной, – сказал он.

– А вам лучше не быть таким бесчувственным. – Сердце Мэдди учащенно барабанило.

Выражение лица Джека оставалось неизменным. Его полуприкрытые веками бесстыдно чувственные глаза глядели на нее до тех пор, пока по ее телу не пробежала весьма приятная дрожь.

Быстро заморгав, она поерзала на твердом пластиковом сиденье.

Этот человек не только чрезвычайно сексуален, он еще и прав.

Ради ребенка Мэдди должна держать эмоции под контролем, как бы трудно это ни было.

Мэдди ослабила пальцы, которыми держала чашку, и нашла в себе силы успокоиться.

– Сегодняшний день стал шоком для нас обоих, – призналась она, – но, поверьте, я хочу только одного: чтобы о Боу заботились так, как понравилось бы Далии. – Она снова наклонилась вперед, взмолившись, чтобы Джек услышал ее. – Вы нужны ему.

На его щеке дважды дернулся мускул.

– Похоже на то. – Джек допил кофе.

Мэдди всю жизнь вращалась среди бизнес-партнеров отца; будучи студенткой университета, она встречалась с сыновьями очень влиятельных людей. Но ни один из них не пробуждал в ней таких сильных эмоций.

Эмоции были одновременно негативными и ужасающе позитивными.

Мэдди смотрела на Джека и понимала, что он ее интригует. Широкоплечий и мускулистый, твердо стоящий на земле, он был великолепен. Его жесты и речь говорили об уверенности, уме, превосходстве и отстраненности.

У ангела, спящего в коляске, не было ни одного родственника, кроме Джека. Будь у Мэдди возможность, она не оставила бы Боу у дяди.

Укрыв одеялом спящего ребенка, Мэдди посмотрела, как мягко поднимается и опускается его грудь, затем тихо произнесла:

– Мне нужно кое-что вам сказать. О данном мной обещании.

Джек посмотрел на платиновые наручные часы:

– Слушаю.

– Я пообещала, что не отдам вам Боу до тех пор, пока вы не будете готовы его принять.

Пока сердце Мэдди барабанило у ребер, мужчина напротив нее медленно нахмурился и скрестил руки на груди:

– Я признаю, мне понадобится время, чтобы свыкнуться с... – Он откашлялся и заговорил резче: – Вам лишь следует знать, что я не отказываюсь от своих обязанностей. Мой племянник ни в чем не будет нуждаться.

Этого недостаточно.

Отвернувшись от ребенка, Мэдди сцепила руки на коленях и встретила властный взгляд Джека.

– Я обещала Далии, что оставляю вас с Боу тогда, когда вы привыкнете друг к другу. Полагаю, у вас большой дом, – поспешно добавила она, – и я с радостью оплачу все расходы.

Его холодный взгляд стал вопросительным. Он резко поднял голову, и прядь черных волос упала на его выгоревшую от солнца бровь, а уголки губ изогнулись в подобии улыбки.

– Мне нужно проверить уши. Я вас правильно понял? Вы приглашаете сами себя пожить у меня?

– Я никуда себя не приглашаю. Я передаю вам пожелание вашей сестры. Я говорю о том, что дала обещание.

– Ну, так не пойдет. – Он тряхнул головой. – Ни за что на свете.

Мэдди распрямила плечи. Пусть Джек огромный и устрашающий, но упрямство – ее второе имя. Она решила сменить тактику:

– Ребенок ко мне привык. Я знаю, что ему нужно. В ваших же интересах позволить мне помочь вам привыкнуть друг к другу.

– Я найму няню.

Он сказал это не моргнув глазом, и ее сердце замерло.

Сегодня утром Далия сказала, что ее брат по-прежнему живет в Лидибруке и не женился после смерти своей жены. Конечно, ему придется нанять няню. Но что за женщина станет присматривать за Боу? Окажется ли она суровой или доброй и опытной? Будет ли она нежно его хвалить или станет бить его по рукам, если он забудет сказать «пожалуйста»?

– Мисс Тайлер... – В его взгляде промелькнула доброта, когда он поправился: – Мэдди. Вы уверены, что без вас не обойдется?

Злое чувство, которому она не смогла найти название, заставило ее вздернуть подбородок.

– Будьте уверены, если мне удастся убедиться, что Боу будет счастлив, я уйду с чистой совестью и с радостью благословлю вас обоих.

– Но ведь мне не нужно ваше благословение.

Стараясь не забывать о том, что Джек единственный здравствующий родственник мальчика, она уступила:

– Полагаю, что не нужно. Похоже, вам вообще ничего не нужно, особенно эта стычка. – Скрестив руки на груди, она встретила его твердый взгляд. – Я права?

Когда Джек вместо ответа одарил ее взглядом своих удивительных глаз, в глубине которых плясали золотистые искорки, Мэдди почувствовала сильное возбуждение. Уняв трепет, она поднялась.

Если она уйдет, то ничего не добьется, но на сегодня с нее хватит. Для описания его привлекательности более всего подходил термин «животный магнетизм». Джек Прескотт был уникален, чрезвычайно хорош, но совсем не гуманен. Черта с два Мэдди уйдет, не сказав ему об этом.

– Я уважала Далию, – выдавила она, к ее горлу подступил болезненный ком. – Я любила ее как сестру, но не могу представить, о чем она думала, когда решила доверить вам этого драгоценного ребенка...

Ее глаза жгли невыплаканные слезы. Мэдди покатила коляску к выходу. Джек окликнул ее, но она не обратила на него внимания. Он заинтересован в благополучии ребенка не более чем она в том, какая команда выиграет в чемпионате по метанию дротиков. Пусть летит обратно к своим опаляемым солнцем красным равнинам, а она останется с Боу в цивилизованном мире. Так или иначе, ребенок не должен расти среди пустоши.

До двери оставалось совсем немного, но в следующую секунду перед Мэдди выросла мощная фигура Джека, который закрыл ей проход. Он поставил ноги на ширину плеч и уперся кулаками в бока.

Мэдди раздраженно ухмыльнулась: «Ну, я добились хоть какой-то реакции».

– Куда вы идете?

– Вам-то что за дело? – Она повернула коляску, чтобы обойти его, но он снова преградил ей путь.

– Вы и представить не можете, какое мне до этого дело.

Но Мэдди надоели слова. Она снова поехала вперед. Джек в очередной раз передвинулся. Он прищурился, она устало вздохнула:

– Я старалась говорить с вами рассудительно. Я пыталась добиться от вас понимания. Я даже попробовала воззвать к вашим лучшим качествам. Теперь я сдаюсь. Вы победили меня, Джек Прескотт. – Она подняла руки. – Вы выиграли.

– Я не знал, что мы соревнуемся.

– Мы начали соревнование в тот момент, когда вы меня увидели.

Джек хочет, чтобы она ушла? Миссия окончена. Если бы Далия слышала их препирательство, не осудила бы подругу.

– Итак, вы передумали? – спросил он, и она мило улыбнулась:

– Если вы будете любезны и посторонитесь.

– А ребенок?

– Мы оба знаем, что вы думаете по поводу заботы о Боу.

Уголок его рта приподнялся в язвительной усмешке.

– Вы думаете, что просчитали меня, да?

– Мне жаль, что я не могу сказать, будто у меня это вызывает малейший интерес. Но, боюсь, я испытываю столько же любопытства к вашему характеру, сколько вы его проявили сегодня в своем племяннику.

Пока Мэдди кипела от злости, Джек секунду буравил ее пристальным взглядом, затем его надменности немного поубавилось.

– Что вы предлагаете?

– То, что вы жаждете получить. Я избавлю вас от любых обязательств и возьму у вас Боу. – Она сможет его вырастить в любви, лояльности и подарит ему миллион других ценных качеств, которых определенно нет у этого человека. – И, если вы беспокоитесь по поводу того, что я стану просить финансовой поддержки, просить я ее не буду. Я скорее стану мыть посуду по пятнадцать часов в сутки, чем возьму у вас хоть пенни.

Напряжение в воздухе усилилось. Джек опустил загорелые руки:

– Как вы переносите маленькие самолеты?

Она открыла рот, затем сомкнула губы. О чем он говорит? Неужели он не слышал того, что она сказала?

– Я прилетел сюда на двухмоторном самолете, – продолжал он. – В нем есть место для пассажиров, но некоторых укачивает в маленьких самолетах. – Его губы изогнулись в усмешке. – Хотя у меня ощущение, что вы не из слабаков.

– Я говорила серьезно...

– Вы говорили о том, что обещали Далии, – прервал он ее, затем понизил голос, заметив любопытные взгляды окружающих – Мне не нужно, чтобы вы меня понимали. Поверьте, вы этого не захотите. Я хочу, чтобы вы исполнили свое обещание. Я желаю быть полезным этому мальчику. Я хочу, чтобы у него был дом. – Его зеленые глаза искрились при искусственном освещении. – Поедьте с нами в Лидибрук.

У Мэдди перехватило дыхание.

Сначала он привел ее в бешенство, вел себя невыносимо. Как он смеет теперь быть очаровательным и искренним!

Хотя Мэдди не хотелось признаваться, но ее тронула нотка заботы в его голосе. В конце концов, у Джека Прескотта имеется немного гуманности.

Чувствуя, что она уступает, он взялся за ручку коляски. Будучи по-прежнему настороженной, Мэдди тряхнула головой:

– Я не уверена...

Но Джек одарил ее обезоруживающей улыбкой:

– Думаю, вы уверены, Мэдди. – Он пошел вперед, а когда она сдалась и последовала за ним, прибавил: – У вас две недели.

Глава 3

Мэдди сидела вцепившись в подлокотник пассажирского кресла – частный самолет Джека Прескотта приземлился на грунтовой взлетно-посадочной полосе на ранчо Лидибрук.

Джек дал ей две недели на то, чтобы она выполнила обещание, данное Далии. За это время Боу должен привыкнуть к новому дому и новому опекуну. Она хотела бы увеличить срок пребывания на ранчо, но решила не возражать Джеку, для которого существовало лишь его собственное мнение. Он приготовился милостиво выносить ее присутствие ровно четырнадцать дней. Ей следовало благодарить его за то, что он вообще согласился.

Выйдя из самолета и ступив на пол открытого ангара, Мэдди почувствовала, как жар опалил ее кожу, словно языки пламени. Ее переполнило желание повернуться кругом и залезть в прохладный салон самолета. Вместо этого она стиснула зубы и вышла под слепящее раскаленное солнце.

Прикрыв глаза ладонью, Мэдди с любопытством оглядела бесконечные, отрезанные от внешнего мира равнины, покрытые сухой травой, с отдельно стоящими деревьями. Вдали виднелись холмы, кажущиеся отсюда фиолетовыми.

Мэдди с большим трудом сглотнула, подумав о том, что через неделю ее тело будет таким же обезвоженным, как безжизненные листочки на измученных жарой эвкалиптах.

Почувствовав острую боль в икре, она наклонилась и прихлопнула большую муху, которая, съездившись, упала у ее ног в красную пыль.

Неудивительно, что Далия сбежала отсюда.

– Добро пожаловать в Лидибрук!

Услышав хриловатый голос за спиной, Мэдди обернулась. Джек вышел из самолета, у него на носу красовались очки авиатора. В одной руке он нес пакет с подгузниками, в другой – Боу.

Усмехнувшись, Мэдди уперлась руками в бока. Черт побери, этот стальной ковбой кажется спокойным. Боу, прижатый к мускулистой мужской груди, был определенно безмятежен. Хороший знак. Мэдди очень волновалась по этому поводу.

После гибели Далии она сделала перерыв в работе и круглосуточно занималась малышом. Хотя отец с сочувствием относился к сложившейся ситуации, он не был в восторге от того, что лучший работник его рекламного бюро, ведающий счетами клиентов, попросился в отпуск. Еще меньше он обрадовался, когда она сказала, что ей нужно уехать еще на две недели. Ведь ему следовало заключить международную сделку, которую она готовила.

Мэдди удалось убедить его в том, что у нее достаточно времени, дабы подготовить отличную рекламную кампанию для фирмы «Обувь и аксессуары «Помпадур». Но эти две недели она посвятит только Боу. Она сделает все возможное, чтобы мальчик привык к своему дядюшке. Дай бог, чтобы он рос в любви и заботе.

Малыш моргнул, открыв сонные голубые глазки, и вопросительно нахмурился, уставившись на загорелого Джека. Тот поднял солнцезащитные очки наверх и с любопытством посмотрел на племянника.

Кажется, Джек начинает проявлять к малышу симпатию. Нежный взгляд. На его губах даже появилась едва заметная улыбка. Но он впервые держит ребенка на руках и по-прежнему выглядит суровым. Остается надеяться, что эти маленькие шажки к сближению перерастут во взаимную любовь.

Мэдди подошла к Джеку. Однако она не стала забирать ребенка, а лишь коснулась теплой головки Боу и улыбнулась:

– Он проснулся. Не могу поверить, что он проспал в течение всего полета.

– Разве дети не этим занимаются? Я имею в виду сон.

Когда Джек обратил на нее свой двусмысленный пристальный взгляд, по ее жилам пробежала дрожь. Его сексуальная привлекательность была более чем мощной; Мэдди оказалась заморожена.

В груди у нее екнуло, она отвела взгляд. Она совсем не интересуется Джека как женщина. Чувства, которые она испытывает, не только неуместны, но и опасны. Если Мэдди желает провести на этом богом забытом ранчо безопасные дни и ночи, в присутствии чертовски соблазнительного мужчины, лучше всего ей заключить с собой специальное соглашение прямо сейчас.

Восстановив самообладание, она выпрямилась и ответила:

– Дети не только спят.

– Конечно. Еще они едят. – Джек выгнул бровь и посмотрел на нее одновременно наивно и чувственно.

Мэдди не сдержала усмешку:

– Вы ведь ничего не знаете о маленьких.

Он снова надел очки на нос:

– Только о маленьких ягнятах.

Джек направился к огромному двухэтажному дому, одновременно элегантному и прочному. Оба уровня веранды были обрамлены декоративным металлическим кружевом. Большие, величественные окна были обložены арками из декоративного камня.

Над ее головой прокричала стая розово-белых попугаев. Внезапно Мэдди увидела вдали облако пыли. Прикрыв глаза и прищурившись, она запаниковала. Им навстречу, вздымая пыль, неслась длинноногая поджарая собака. По спине Мэдди пробежал холодок, у нее начало покалывать пальцы рук, она затаила дыхание.

Подобной паники у нее не было несколько лет. Она попыталась успокоиться, но собака, словно комета, продолжала приближаться. Когда расстояние между ними сократилось до фута, Мэдди напряглась всем телом, чтобы в случае чего прыгнуть и закрыть ребенка.

В последний момент собака отскочила в сторону. Мэдди осторожно обернулась и увидела ее идущей позади них с опущенной головой. Собака сопровождала их, как опытный волк преследует оленя.

Джек игриво проворчал:

– Это ты, шалопайка.

Подняв уши, собака быстро подошла к хозяину, с обожанием смотря на него карими глазами. Она ждала от него приказа.

Прерывисто вздохнув, Мэдди собрала с духом и на свинцовых ногах пошла вперед. Джек удобнее устроил малыша на груди.

– Познакомьтесь с Нелл, – сказал он.

Мэдди предпочла бы с ней не знакомиться. Тем не менее она отрывисто кивнула собаке с розовым языком и пронизательными карими глазами, продолжая держаться от нее на расстоянии:

– Привет, Нелл.

Джек остановился и хмуро взглянул на Мэдди:

– Вы не любите собак?

– Скажем так, собаки меня не любят. – Она не намеревалась объясняться. – Кажется, она слушается вас во всем.

– Нелл – пастушья собака. – На его квадратной челюсти дрогнул мускул. – Или была таковой.

Мэдди наклонила голову. *Была* таковой. Произошел ли с ней несчастный случай? Однако сейчас Мэдди хотелось задать вопрос поважнее:

– Нелл хорошо относится к детям?

Джек пошел вперед:

– Откуда мне знать?

Хотя внешне Мэдди выглядела спокойной, страх схватил ее за горло. Но эта собака явно хорошо выдрессирована. Нечего бояться ни Мэдди, ни ребенку. Падение кровяного давления и покалывание в голове – физиологический рефлекс Мэдди на события прошлого. То, что много лет назад на нее напала собака, не означает, что это произойдет снова.

«Глубоко вздохни. Подумай о приятном».

Нелл прошла мимо, коснувшись хвостом ноги Мэдди. Женщина снова запаниковала, кашлянула и нервно рассмеялась:

– Должна сказать, я чувствую себя отбивной из молодого барашка.

Джек резко свистнул и кивком прогнал собаку. Нелл умчалась вперед. Поднятое ею облако пыли закрыло Мэдди обзор, ее частички заскрипели на зубах. Ей необходимо принять ванну и выпить.

Расправив широкие плечи, Джек оценивающе оглядел Мэдди:

– Если вам нужно позвонить, здесь есть прием мобильной связи.

– Приятно слышать. Спасибо.

– У вас есть джинсы?

– Конечно. – Она привезла с собой последнюю новинку сезона.

– Хорошо.

Ее руки покрылись мурашками. Что-то беспокоило ее в его уверенном тоне.

– Что хорошего?

– Вы не можете ездить верхом в платье.

Она моргнула, затем рассмеялась:

– О, я не езжу верхом. – С двенадцатилетнего возраста Мэдди не усаживалась даже на велосипед, не говоря уже о лошадях.

Джек сдвинул брови:

– Вы и лошадей не любите?

Опять она пришлась не ко двору! Вероятно, Джек привык спать, держа в руке седло и подложив под голову широкополую шляпу.

Пока Мэдди в ярости приканчивала очередную муху, Джек втянул воздух сквозь стиснутые зубы:

– Итак, вы не фанат животных.

– Отнюдь.

– Что же вы любите? – фыркнул он.

– Театр. Шоколадный заварной крем. Дождливые дни, когда мне не нужно вставать с кровати.

– И часто вы не встаете с кровати?

Она посмотрела на него прищурившись. Он не шутит? Трудно сказать наверняка, ведь у него такой сухой тон и выражение лица.

– Я имею в виду, – объяснила она чрезмерно терпеливым тоном, – что люблю сидеть на кровати, опершись на подушки, и читать, пока капли дождя барабанят по крыше.

Он снова то ли фыркнул, то ли проворчал, и зашагал прочь. Мэдди вытерла вспотевшую бровь и съежилась, когда по ее спине потекла струйка пота.

Через несколько минут они оказались в тени дома. Ребенок был спокоен, собака испарилась. Оказавшись на собственной территории, Джек казался чуть более открытым.

Пора лучше узнать законного опекуна Боу.

– А вы? – спросила Мэдди.

– Что – я?

Она округлила глаза. С этим человеком невозможно разговаривать!

– Вы читаете книги, Джек?

– Нет, – заявил он низким и решительным голосом, – я не читаю.

Мэдди моргнула. С таким же успехом она могла спросить его, носит ли он розовые чулки субботними вечерами.

– Но вы действительно ездите верхом.

Он продолжал идти. Ответа на ее высказывание не требовалось.

– Я думаю, однажды вы научите Боу ездить верхом, – попробовала она снова начать разговор.

– Я думаю, научу.

Мэдди медленно кивнула, обдумывая его слова и впервые осознавая ситуацию.

Едва выйдя из самолета, она начала считать секунды до того момента, когда сможет покинуть эту глухомань. Но, уехав, она расстанется с Боу – сыном-ангелочком своей лучшей подруги. Когда снова она увидится с мальчиком? Увидится ли вообще когда-нибудь? Возможно, Джек время от времени будет приезжать в Сидней. Может, он станет привозить с собой Боу.

Пока Мэдди строила предположения, они завернули за угол фермерского дома. По широкой парадной лестнице спускалась женщина. Она приглаживала руками белый передник, концы которого были повязаны вокруг пышных бедер. Ее блестящие волосы, припорошенные сединой, были коротко острижены. Мягкие веки нависали над любознательными глазами цвета капучино. Чем ближе подходила женщина, тем сильнее текли слюнки у Мэдди, учуявшей идуций от женщины аромат свежей выпечки.

Спустившись с лестницы, женщина протянула руку и дружелюбно улыбнулась. Мэдди повеселела, увидев ее испачканную мукой щеку и почувствовав домашнюю и добродушную ауру женщины.

– Должно быть, вы Мэдисон. – Женщина крепко, но совсем не враждебно пожала ей руку. – Меня зовут Кейт. – Она сердечно кивнула, вытирая свободную руку о передник. – Добро пожаловать в Лидибрук!

– Джек все мне о вас рассказал.

Это не было абсолютной правдой. Он рассказал о ней лишь детали, и то после настоячивых расспросов. Кейт Йолсен десять лет была домработницей в Лидибруке. Она вдова с двумя детьми и двумя взрослыми внуками. Мэдди присутствовала при телефонном разговоре Джека и Кейт, когда он сообщал ей о приезде гостей. После этого он заявил, что у Кейт исключительно вкусная стряпня. Теперь Мэдди представилась возможность отведать пшеничных лепешек на сливочном масле.

Кейт подошла ближе к Джеку и малышу. Сердце Мэдди растаяло, когда Боу широко раскрыл сообразительные глаза и уставился на незнакомку, лежа в руках дядюшки.

Не сдержав эмоций, Кейт ойкнула и натруженными руками прикрыла рот.

– О боже. – Она нежно улыбнулась, ее взгляд потеплел. – Какой хорошенький. – Она бросила на Мэдди пристальный взгляд: – Он проспал всю дорогу?

– Он ангел. – Мэдди повернулась к Джеку: – Правда?

Джек что-то проворчал в ответ, одобрительная улыбка коснулась уголка его рта.

– Ему нужно сменить подгузник, – сказала Кейт.

– Абсолютно верно, – согласилась Мэдди.

Затем они одновременно произнесли:

– Я возьму его.

Однако Джек не отдал им ребенка и нахмурил бровь поверх очков с зеркальной поверхностью:

– Я выгляжу беспомощным?

Мэдди моргнула:

– Вы хотите его переодеть?

В ответ он выгнул бровь.

Она постаралась сформулировать иначе:

– Я имею в виду, вы не хотите сначала этому научиться?

– За один рабочий день я стрижу более двухсот овец. – Он осторожно прошел мимо женщин. – Думаю, мне удастся присыпать его тальком и запеленать.

Пеленать Боу не следовало; Далия надевала ему подгузники. Именно они лежали в большой сумке. Однако Мэдди не сказала ни слова. Если Джек хочет прямо сейчас взять на себя бразды правления и доказать свое умение, спорить никто не станет.

Ведь этот человек стрижет за день две сотни овец.

Стоя на верхней ступеньке лестницы, Мэдди заметила Нелл, которая внимательно отслеживала каждое движение Джека.

– Вы, должно быть, умаялись от жары, – говорила Кейт, также поднимаясь по лестнице.

Когда Нелл побрела в дом за Джеком, Мэдди последовала за домработницей.

– Я немного хочу пить.

– Хотите чаю?

– Я предпочла бы что-нибудь холодное, если можно.

Продолжая подниматься по лестнице, Кейт понимающе и задумчиво вздохнула:

– Мой муж был работником на ферме. Мы встречались с ним две недели. Не успела я опомниться, как мы поселились с ним в лачуге на севере страны. Выжженная земля. Крокодилы. Никогда не думала, что привыкну к жаре, ужасной пыли и мухам. – Уголки ее губ приподнялись. – Но и вы привыкнете.

Мэдди подула на волосы, прилипшие к ее лбу:

– Я здесь не задержусь, поэтому выяснить это мне не удастся.

В Сиднее ее ждет карьера, друзья, веселая жизнь. Расставание с Боу будет для нее тяжелым – она прихлопнула очередную муху, – но она уже знала, что не будет скучать по этой местности.

Остановившись на полпути, Кейт коснулась руки молодой женщины:

– Я переживала, узнав о бедняжке Далии. Наверное, вы были верными подругами. Вы так ей помогли.

Мэдди вспомнила похороны Далии, вздохнула и кивнула:

– Далия была моей самой лучшей подругой.

Далия всегда была готова выслушать, никогда не осуждала, не была грубой. Она была самым добродушно-веселым человеком, которого встречала Мэдди. Отсюда возникает вопрос: как единокровные брат и сестра могут быть такими разными по характеру? Джек, вероятно, самый злобный человек, живущий к югу от экватора.

Кейт стала снова подниматься по лестнице:

– Ребеночку повезло, что у него есть вы.

Мэдди улыбнулась.

– Далия хотела, чтобы его воспитывал Джек, – объяснила она. – Я обещала помочь ему привыкнуть к нему.

Кейт опустила глаза:

– Я уверена, она знала, что делала.

Мэдди замедлила шаг. Неужели и Кейт сомневается в способностях Джека воспитать ребенка? Далия с ним не ужилась. Мэдди казалось, что она никогда не пробьется через его броню. Нелл, с другой стороны, его боготворила.

Но ведь Нелл собака.

Как Джек относился к своей жене?

Из ближайшего окна слышалось громкое проклятие, и обе женщины подпрыгнули. Мэдди прижала руку к животу, к горлу подступила тошнота.

Боже, неужели Джек уронил ребенка?

Кейт резко открыла парадную дверь с сеткой от насекомых и ворвалась в комнату. Мэдди быстро последовала за ней. Ее взгляд упал на ребенка, который лежал нагим ниже пояса на столике для переодевания, стоящем у боковой стены. Джек стоял у стола, сгорбившись и раскинув руки и растопырив пальцы. Выражение его лица было мрачнее обычного. Он пялился на мокрое пятно на своей рубашке, а Боу сучил ножками и агукал. Ошеломленная, Нелл сидела в углу, наклонив голову набок.

Должно быть, ребенок обмочил Джека, когда тот снял подгузник.

Мэдди закрыла рукой рот, чтобы не рассмеяться.

Почему здоровенные мужчины иногда выглядят смешнее малышей?

Стараясь успокоиться, она прошла вперед:

– Я вижу, у вас авария на водопроводной станции.

– У меня нет никакой аварии. – Он коснулся рукой мокрого пятна, затем ею взмахнул. –

По меньшей мере, он меткий.

Стоящая позади Кейт хихикнула.

– Оставляю вас одних заниматься ликвидацией аварии, – сказала она, затем спросила о питании для малыша.

Мэдди вручила ей бутылочку и упаковку со смесью.

Кейт ушла, уводя с собой собаку. Мэдди вздохнула с облегчением.

Когда Боу помыли и переодели в чистый подгузник, Мэдди осторожно взяла его на руки и коснулась губами его шелковистой брови.

– Я удивляюсь, что он не испугался, когда вы так завопили, – произнесла она, погладив ребенка по спинке так, как он любил. – Я думала, вы его уронили.

Когда Мэдди повернулась кругом, все мысли вылетели из ее головы. Хмурясь и ворча, Джек снял с себя испачканную рубашку.

Ее взору предстали его невероятно широкие плечи бронзового оттенка. Мэдди непроизвольно облизнулась.

Грудь Джека Прескотта была самой красивой из тех, что она видела. Его плечи были словно высечены из полированного дуба, накачанные бицепсы имели красивые округлости, грудь покрывали достаточно густые черные волосы. Мэдди знала, что ей будет очень приятно прикоснуться к его чувственному телу.

Она опустила глаза.

Тихо выругавшись, Джек сорвал с себя рубашку и бросил себе под ноги.

Он принимал роды у овец столько раз, что и не сосчитаешь. В сравнении с этим смена подгузника у ребенка пустяк – буквально. Быть обмоченным ребенком – не велика потеря. Три года назад Джек сделал бы все ради того, чтобы стать участником подобной сцены... получить возможность заботиться о собственном маленьком мальчике.

Его душу терзали суровые эмоции. Но он подавил боль, пока не всплыли темные воспоминания о прошлом. Лучше ничего не чувствовать, чем злиться или ощущать свою беспомощность.

Подняв глаза от брошенной рубашки, он увидел Мэдди, замершую на месте с отвисшей челюстью. Крепко прижимая к себе Боу, она пялилась на тело Джека. Будучи снова застигнутым врасплох, он напрягся, ощущая растущее возбуждение.

Вздохнув, Джек стиснул зубы.

Он уже признал, что неравнодушен к Мэдисон Тайлер. Она хороша собой, очевидно умна и явно кое-что из себя представляет. Однако физическое влечение к ней ни к чему хорошему не приведет. Джек помолвлен... практически женат. Даже если бы он был свободен, такая женщина, как Мэдди, ему не нужна.

Черт побери, она даже не любит лошадей!

Так отчего он не может оторвать взгляда от ее ног?

Да потому что они красивы, вот почему. Длинные. Молочно-белого цвета. У него руки чесались от желания прикоснуться к ним и проверить, такие ли они изящные и нежные, как кажутся.

Малыш запищал, и Джек в мгновение ока пришел в себя. Проведя рукой по волосам, он с трудом сглотнул. Услышав тяжелые шаги в коридоре, он схватил рубашку с пола и скомкал ее. Мэдди торопливо повернулась к столику для переодевания и начала рыться в сумке с вещами ребенка.

К тому моменту, когда в комнате появилась Кейт, Джек успел нацепить на лицо маску хладнокровия.

– Бутылочка готова, – сказала женщина. Боу вытянул ручку, и Кейт, счастливо вздохнув, взяла на руки широко раскрывшего глазки малыша. – Похоже, я еще не разучилась общаться с детьми. – Затем ее внимание привлек раздетый Джек. – Мне принести вам чистую рубашку, Джек?

– Порядок. Я сам возьму. Уходя, домработница бросила через плечо:

– На задней веранде есть чай в чайнике и кувшин с холодной водой.

Мэдди поблагодарила Кейт, бросила на Джека обеспокоенный взгляд и, дабы чем-то занять руки, расчесала пальцами пряди волос цвета льна и заправила их за уши.

Эпизод продлился всего несколько секунд. Они были обыкновенными мужчиной и женщиной, пережившими мгновение, когда физическое влечение временно возобладало над разумом.

Джек решил, что больше этого не допустит. Он привез сюда горожанку Мэдисон Тайлер не для того, чтобы соблазнять. Она находится на его ранчо лишь ради ребенка. Он обязан сделать это для сестры. Но через две недели Мэдди уедет из Лидибрука. Уйдет из его жизни. Незачем ею увлекаться.

Он направился к двери и не остановился, когда услышал позади себя ее голос:

– Кейт очень сильно поможет с Боу.

– Она хорошо о нем позаботится.

– Значит, вы не наймете няню?

– Не нужна никакая няня.

Тара хотела обзавестись семьей. Теперь, готова она или нет, но семья у нее уже появилась. У него достаточно времени, чтобы рассказать Мэдди о будущей мачехе Боу. Достаточно, чтобы рассказать Таре о ее предстоящем материнстве. Он был уверен, что, узнав о мальчике, Тара обрадуется. Однако сообщать такую новость по телефону не следует. Он скажет ей об этом лично, наедине.

Это произойдет завтра.

Идя по коридору, Джек ощущал, как пристальный взгляд Мэдди буравит его спину. Не встречаясь с ней глазами, он резко указал большим пальцем на дверь спальни:

– Я возьму рубашку, и мы доберемся до того чайника с чаем.

Мгновение спустя он стоял напротив платяного шкафа, снимая с вешалки рубашку. Краем глаза он заметил движение – вероятно, за ним шпионит Нелл. Однако, повернувшись, он обнаружил в дверях Мэдди. На этот раз она смотрела не на него, а на комод справа и на стоящее на нем фото.

Мэдди заметно побледнела, она устала на него, широко раскрыв глаза.

– И-извините, – запнулась она. – Я не знала. Я подумала, вы пойдете в прачечную. Я думала, хозяйская спальня наверху.

Стиснув зубы, он надел рубашку и, не застегивая ее, взял Мэдди за руку и вывел в коридор. Неужели она так и будет ходить за ним по пятам, как новорожденный теленок? Неужели она намеренно выводит его из себя?

Оказавшись в коридоре, он отпустил ее руку и сказал себе, что в последний раз прикасался к ней. Смотреть на Мэдди опасно, прикасаться к ней – опаснее в миллион раз.

Или в миллион раз приятнее?

Проворчав, он изгнал из головы нежелательную мысль и направился в сторону веранды, преувеличенно быстро застегивая пуговицы и закатывая рукава рубашки до локтей.

– Кейт поставила поднос здесь.

Выйдя на веранду, он рухнул на стул и снял с булочек и кексов защитную сетку. Мэдди взяла булочку, Джек – кекс. Засунув его в рот, он начал жевать, глядя вдаль на равнины.

Мэдди очень хотелось спросить, не его ли жена на фотографии, но вместо этого она тихонько сидела за квадратным столиком на стуле у стены.

Когда напряженный момент миновал, Джек покосился на Мэдди. Она попивала свой напиток, разглядывая ландшафт. Джек немного успокоился и положил ногу на ногу.

На мерцающем горизонте проскакали три взрослых рыжих кенгуру.

Мэдди вздохнула:

– Я не могу привыкнуть к тишине. – Она вытянула шею, пытаясь взглянуть в даль. – Где вы держите овец?

Он выпрямил ноги и сел прямо:

– Нет у меня овец. Я от них избавился... три года назад.

Она несколько раз моргнула, затем кивнула, будто поняла. Однако она ничего не поняла. Поймет только тот, кто пережил кошмар и знает, что такое лишиться в один день жены и ребенка. После этого весь мир погружается во мрак. Джеку не было дела до овец и денег.

Ему ни до чего не было дела.

– Что вы делаете на овцеводческой ферме без овец? – спросила она немного погодя. – Разве вам не скучно?

Он поставил чашку на стол и дал ей очевидный ответ:

– Лидибрук – мой дом.

Горожанам невдомек, что дает человеку сельская местность. Свобода мышления. Простота жизни. Мать Джека так и не оценила подобную жизнь сполна, хотя его отец старался ее переубедить.

Кроме того, для простого человека здесь полно работы.

Он положил в чай сахар:

– Здесь иной образ жизни. Он сильно отличается от городского.

– Сильно, – сказала Мэдди.

– Нет никакого смога.

– Нет людей.

– Что мне и нравится.

– Вы не скучаете по цивилизации?

Выражение лица Джека стало бесстрастным.

– О, я предпочитаю жить как варвар.

Она поджала губы, размышляя:

– Категоричное определение, но с одной стороны... – Увидев его усмешку, она больше откинулась на спинку стула. В ее глазах играла улыбка. – Сколько у вас акров земли?

– Сейчас почти пять тысяч. В прежние годы в Лидибруке было триста тысяч акров земли и двести тысяч овец, но после Второй мировой войны землю отобрали под военные и сельскохозяйственные нужды, поэтому мой прадед и дед решили продать землю военным поселенцам.

Почва здесь плодородная. Перспективное планирование помогло легко перейти от скотоводства к земледелию. Теперь это основная отрасль, обеспечивающая рабочие места.

– Беру свои слова обратно, – с искренним уважением сказала она. – Вы не варвар.

– Приберегите свои слова до тех пор, пока не поедите коричневую змею, которую я зажарю на вертеле.

Она хихикнула:

– У вас действительно есть чувство юмора. – Ее улыбка померкла. – Вы ведь шутите?

В ответ он положил еще сахара в свой чай.

Скрестив ноги, она повернулась к нему:

– Здесь у вас было счастливое детство?

– Счастливее не придумаешь. Моя семья была богата. Вероятно, намного богаче, чем думало большинство людей. Но мы жили просто и работали в меру.

– В какую школу вы ходили?

– Сначала в городе, потом учился в сиднейском интернате. На все каникулы я приезжал домой. Я помогал родителям стричь овец, принимать окот овец и метить стадо.

Задумчиво улыбаясь, она оперлась локтем о стол и положила подбородок на ладонь:

– Из ваших уст это звучит почти романтично.

Он заставил себя отвести взгляд от ее губ и пристально посмотреть на живописный горизонт.

– Вы когда-нибудь видели подобные закаты? Я сижу здесь, с упоением глядя на краски, и знаю, какую именно жизнь предназначил нам Бог. Не нужно гоняться, как маньякам, по многополосным трассам, торчать за компьютером по четырнадцать часов в сутки. Вот рай.

Сью считала точно так же.

Они сидели молча, разглядывая розово-золотистые блики, темнеющие на холмах на горизонте.

– Вы будете снова заводить стадо? – спросила Мэдди спустя какое-то время.

Джек мечтал о том, как вернет Лидибруку былую славу. Он и Сью часто обсуждали свои планы, особенно в последние недели ее беременности. У них было столько планов, а теперь...

У него сжалось сердце. Он отставил в сторону чашку с чаем.

Теперь он несет ответственность за сына Далии. Он будет заботиться о нем как отец. Но чувства?...

Джек снова сглотнул ком в горле.

Жаль, что он не станет прежним. Когда у человека умирает семья, умирает и он сам.

– Нет, – сказал он, снова глядя на закат. – Я никогда не заведу овец снова.

Мэдди собиралась задать еще один вопрос, но ее внимание привлек тихий шум мотора. Джек узнал автомобиль. Он знал, кто к нему едет.

Он простонал.

Он еще не был готов к этой встрече.

Глава 4

Белый внедорожник «лендкрузер» остановился у ближайшей цистерны с водой; огромные колеса, давя выжженную траву, подняли клубы пыли. Выпрыгнувшая из автомобиля женщина, не закрывая дверцы, стала плавно подниматься по лестнице, ведущей к задней двери дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.